

Константин Михайлович Антонов¹

ФР. М. МЮЛЛЕР: ХРИСТИАНСКИЕ КОННОТАЦИИ ИДЕИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ И ИХ РЕЦЕПЦИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (ШТРИХИ ДЛЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПУБЛИКАЦИИ)

Публикуемый ниже текст представляет основателя науки о религии Фр. М. Мюллера с необычной стороны — он выступает здесь не столько как беспристрастный исследователь религий и мифов, сколько как богослов — теоретик христианской миссии. Впрочем, и здесь Мюллер-религиовед не вполне исчезает и в значительной мере определяет ход мысли Мюллера-теолога, что наиболее ярко очевидно в двух моментах: 1) в предлагаемой автором классификации религий, в данном случае осуществляемой с точки зрения наличия/отсутствия в них миссионерского порыва; 2) в том переосмыслении смысла и характера миссии, который предлагается здесь мыслителем. «Встреча мировых религий» (мировых, т. е. осуществляющих миссию) предстает здесь не как борьба на уничтожение, а как диалог, стимулирующий самопознание, как взаимный обмен идеями и формами жизни, как конкуренция, мобилизующая ресурсы сторон. Идеал миссии — не колонизация чужой культуры, а выявление изначальных данных собственной веры во встрече с Другим, передача веры, без навязывания своей культуры, раскрытие всех, заложенных в человеке экзистенциальных возможностей. Не случайно в лекции о миссии возникает образ Пятидесятницы — объединяющего события, противоположного вавилонскому разделению языков, распаду человечества на этносы и культуры².

---

¹ Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва.

² Ср. современную дискуссию о соотношении теологических и собственно религиоведческих элементов в концепции Мюллера: Самарина Т. С. Дизайнерский проект феноменологического понимания религии: компаративистика Ф. Макса Мюллера // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2018. Вып. 78. С. 121–131; Пылаев М. А. Прологомены ко всякому будущему религиоведению, могущему возникнуть в качестве христианского религиоведения // Вестник

Не предвосхищая содержание лекции, поставим предварительный вопрос о том, насколько эта сторона идей Мюллера воспринималась его современниками и, в частности, у нас, в России.

Исследователи отмечают, что не только Мюллер, но и многие другие «отцы-основатели» «сравнительного изучения религии» (прежде всего, профессиональные теологи К. Тиле и П. Д. Шантепи де ла Соссе), отстаивая объективный характер новой науки, вместе с тем подчеркивали тот факт, что осуществляемое ею расширение религиозного горизонта в конечном счете послужит на пользу именно христианству¹.

Что же касается рецепции идей Мюллера и, в том числе, этого «миссионерского» их аспекта в России, то она до сих пор остается неизученной, и мы здесь предложим лишь очень краткий общий абрис их дореволюционного восприятия. В самом общем виде в этой рецепции можно выделить три аспекта: восприятие идей Мюллера духовно-академическими учеными, светскими религиозными философами, представителями формирующейся антропологии.

Первая группа безусловно лидирует с точки зрения количества упоминаний немецко-английского мыслителя: практически каждый автор, обращавшийся к проблеме религии (а таких было множество, прежде всего, на кафедрах философии и основного богословия) считал своим долгом упомянуть о нем и представить более или менее развернутое описание его теорий (зачастую в их развитии) и критическую рефлексию относительно этой теории. Критике ожидаемо подвергается как правило постепенный отход Мюллера от теории первобытного монотеизма, установление ученым связи религии и языка приветствуется как эвристический прием, важный для описания развития «языческих религий», но, разумеется, не подходящий для религии откровения, в особенности, христианства.

Миссионерский посыл концепции Мюллера упоминается далеко не всегда, но, например, фигурирует у епископа Хрисанфа (Ретивцева) в его «Религиях Древнего мира в их отношении к христианству».

ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 80. С. 119–126

¹ Molendijk A. The Emergence of the Science of Religion in the Netherlands. Leiden-Boston, Brill, 2005. P. 11.

Автор цитирует лекцию Мюллера о Ведах 1865 года: «изучение древних религий научает нас лучше ценить то, что дано нам нашей религией. Только тот, кто терпеливо и беспристрастно обсудил все другие исторически известные религии, может знать, что такое христианская истина, и с полным убеждением и уверенностью сказать вместе с апостолом Павлом: «Я не стыжусь благовествования Христова» (Рим. 1,16)»¹. Еп. Хрисанф при этом, разумеется, не делает тех выводов из этой мысли, которые делает Мюллер, он не предполагает той сложной трансформации самой идеи миссии и содержания «благовестия» которые, с точки зрения Мюллера должны вытекать из идеи сравнительного изучения религии.

В дальнейшем к идеям Мюллера обращались В. Д. Кудрявцев, епископ Борис (Плотников), протоерей Ф. Орнатский, протоиерей Т. Буткевич, А-й И. Введенский и многие другие². Особую подгруппу образуют здесь выпускники духовных академий, преподававшие в университетах (главным образом, провинциальных) курсы богословских дисциплин. История религии становилась для них зачастую своего рода вводным курсом, позволявшим контекстуализировать богословскую проблематику, идеи и исследования Мюллера, с этой точки зрения, оказывались весьма кстати.

Среди представителей религиозно-философской мысли идеи Мюллера становятся предметом обсуждения не столь часто. Правда, уже в 1870-е годы к его идеям обращаются Ю. Ф. Самарин

---

¹ Хрисанф (Ретивцев), архим. Религии Древнего мира в их отношении к христианству. Историческое исследование. Т. 1. Религии Востока. СПб., 1873. С. 3.

² См. напр.: Плотников В. В. О сравнительной мифологии Макса Мюллера. Изложение и критика новейшей лингвистической теории мифов. Воронеж, 1880; его же. Главные черты арийской доисторической культуры по данным сравнительного языкознания // Филологические записки. 1890; Орнатский Ф., прот. Изложение и критический разбор взгляда М. Мюллера на религию, ее происхождение и развитие // Труды КДА. 1887. Т. 1. № 1. С. 3–26; № 4. С. 505–526; Буткевич Т., прот. Религия, ее сущность и происхождение (обзор философских гипотез). Кн. 2. Харьков, 1904. Введенский А-й И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. Т. 1. Основные вопросы философской истории естественной религии (Prolegomena). — Религии Индии. М., 1902. С. 106–108.

и Вл. С. Соловьев. Первый особо оговаривает заслуги Мюллера как лингвиста-историка, преобразовавшего представления о значении языка как важнейшего действующего фактора истории культуры вообще и истории религии в особенности, «участие языка как действующего агента в образовании религиозных воззрений»¹. Несмотря на свою критику намеченной Мюллером общей («философской») теории религии и ее предпосылок, этот момент Самарин считает чрезвычайно важным. Не случайно его размышление о разделяющей роли языка и о преодолении этого разделения в концепции Мюллера, которая путем рефлексии «освобождает от его оков чистое понятие» и тем создает общую почву, на которой люди «далеко друг от друга отделенные происхождением, пространством и временем, могут лучше понимать, познавать и ценить друг друга и таким образом прийти к сознанию своего духовного единства в мышлении и чувствовании»² — косвенно отсылает к известному кондаку Пятидесятницы, противопоставляющему «разделение языков» в вавилонском столпотворении и их воссоединение при схождение Св. Духа на апостолов.

Вл. Соловьев обращается к Мюллеру скорее как к индологу, и в ранней работе «Мифологический процесс в древнем язычестве» обосновывает, обращаясь к его анализу Вед, первобытный монотеизм, и, в тоже время, критикует идею сведения содержания мифа к тем или иным явлениям природы³.

В дальнейшем отсылки к Мюллеру возникают эпизодически. Ближайший последователь Соловьева и, вместе с тем, один из основоположников научного подхода к изучению религии в России, С. Н. Трубецкой дополняет критику Соловьева с точки зрения 1) антропологического подхода (ср. ниже критику Штернберга); 2) последующих достижений лингвистики, в частности, работы

¹ Самарин Ю. Ф. По поводу сочинений Макса Мюллера по истории религий // Сочинения. Т. 6. Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. М., 1887. С. 495.

² Там же.

³ Соловьев Вл. С. Мифологический процесс в древнем язычестве // он же. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 1. М., 2000. С. 18, 20–21.

Узенера¹, — несмотря на то, что идея апологетически-миссионерского значения истории религии ему, несомненно, была присуща. В дальнейшем интерес к мысли немецкого ученого в этой группе явно идет на спад.

Среди основоположников отечественной антропологии развернутое обращение к наследию Мюллера мы обнаруживаем у Л. Я. Штернберга в известной статье «Сравнительное изучение религии», написанной для Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона. Воздавая должное заслуге Мюллера (и его учителя А. Куна) как основателя новой науки, Штернберг упрекает его за схематизм, восходящий, с одной стороны, к «апологетам древних мифов», с другой — к романтической историографии, с третьей — к «объяснениям древних христианских писателей»². В результате достижения «новейшей антропологической школы «победоносно опровергли» концепции Мюллера и его последователей (идея, явно воспринятая Трубецким). Разумеется, призыв Штернберга «беспристрастно вопрошать факты и путем индукции приходить к правильным синтетическим выводам»³ выглядит, с точки зрения современного читателя, порядком наивно, но в то же время, он 1) отражает основную линию развития религиоведения на тот период; 2) и до сих пор сохраняет свою актуальность как лекарство от идеологизированного схематизма (хотя его применимость именно к Мюллеру, пожалуй, может быть оспорена).

Тем не менее, представители становящейся отечественной антропологии продолжали обращаться к идеям Мюллера при анализе первобытных верований. Определенное внимание им уделяют, в частности, В. Харузина и Н. Харузин. Последний в 4-м выпуске своей «Этнографии», посвященном главным образом религиозным верованиям «некультурных народов» рассматривает Мюллера как представителя «мифологической школы», создателя проекта

---

¹ См.: Трубецкой С. Н. Собрание сочинений. Т. 2. Философские статьи. М., 1908. С. 532, 544–545.

² Штернберг Л. Я. Сравнительное изучение религии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXI. София — Статика. 1900. С. 323–328, здесь с. 325–326.

³ Там же.

«сравнительной мифологии» и автора идеи мифа как «болезни языка»¹, которые русский исследователь явно считает безнадежно устаревшими, провоцирующими «натянутые толкования». При этом он отмечает продуктивность идеи Мюллера о множественности источников религии. Любопытно, что останавливаясь довольно подробно на «энотеизме» как форме религиозных представлений, автор упомянуть о Мюллере, введшем это понятие, забывает². Христианские корни и элементы теорий немецкого ученого в этой перспективе внимания не привлекают.

Подводя итог этой небольшой справке, которая призвана скорее спровоцировать дальнейшие исследования, чем представить сколько-нибудь целостную картину, отметим что 1) рецепция идей М. Мюллера была неотъемлемой частью становления отечественной науки о религии и сыграла в ходе этого становления существенную роль; 2) что эта рецепция по большей части осуществлялась в целом синхронно с восприятием идей немецкого ученого в мировой науке (некоторым запаздыванием в этом отношении характеризуется духовно-академическое направление, которое, зато дает наибольший объем рецепции). Более детальное изучение дореволюционного этапа этой рецепции, а также прослеживание того, как менялся образ М. Мюллера, основателя сравнительного изучения религии, в глазах отечественных исследователей после революции и вплоть до нашего времени — актуальная задача последующих исследований, необходимых для целостной реконструкции истории отечественного религиоведения.

---

¹ Харузин Н. Этнография. Лекции... Вып. IV. СПб., 1905. С. 16–18.

² Там же. С. 177–180